

Анвар Иргашев

ГЕРОЙ

Юлия Медведовская
Циана Шахати

12+

Анвар Иргашев

Герой

«ЛитРес: Самиздат»

2017

Иргашев А. И.

Герой / А. И. Иргашев — «ЛитРес: Самиздат», 2017

В 1930 году в поезде Харбин – Чита вместе с другими пассажирами жестоко убита китайская семья. Чудом выживает только маленький китайский мальчик Вэй Ли. Его воспитывает любящая русская семья в суровой забайкальской глубинке. Он обретает друзей и учителя, китайского мастера кунг-фу, увлекается русскими книгами и не забывает о своих китайских корнях. Вэй Ли вырастает и решает мстить убийцам своих родителей. Но начинается война. Он попадает в специальный отряд, которым командует узбек майор Максумов. Вэй Ли становится профессиональным разведчиком, от которого, возможно, будет зависеть ход мировой истории...

© Иргашев А. И., 2017

© ЛитРес: Самиздат, 2017

«Герой»

Роман

ПРЕДИСЛОВИЕ

Забайкальское лето в 1930-м году выдалось дождливое, совсем не по сезону. Словно все тысячи тысяч уснувших богов вдруг встрепенулись на хмурых облаках и, опустив заспанные глаза вниз, на своих детей, взвыли в ужасе и пролили на землю свои слезы, едкие и холодные. Боги топали ногами, падали, свистали разбойничьим посвистом так, что ветер сгибал в дугу тоненькие деревца и срывал листву со столетних дубов-исполинов.

Жирные, грязно-белые, как слежавшаяся овечья шерсть, облака раскачивались под их ногами, превращались в мрачно-серые тучи, исторгая ослепительные молнии и жуткий гром. К рассвету боги сжалились, и природа начала потихоньку успокаиваться. Леса и степи Забайкалья покрыл густой туман.

– Пусто. Даже зверь в такую погоду не ходит, – недовольно буркнул Николай, крепкий мужик под сорок.

Уже третий капкан был пустой. Ставить обметы на соболя смысла тоже не было – пушистый хитрец давно удрал от проливного дождя и вернется в свои владения не скоро.

– Чэн, чего молчишь-то? – Николай поднялся с хрустом, отряхнул колени.

Чэн поправил за спиной свое ружье. – Чего говорить, – ответил его спутник, невысокий китаец с жидкими усами, – Зря вышли, сам знаешь.

– Ладно, – хмыкнул Николай, – Идем. Может, вдоль железки чего надыбаем.

Мужики, свернув, пошли на свет и вскоре, хлюпая кирзовыми сапогами по припорошенной хвоей грязи, выбрались на узкую тропинку.

Китаец вдруг завертел головой, раскрывая свои широкие ноздри, словно что-то почуял. «Точно волк, добычу вынюхивает», – подумал Николай и широко улыбнулся, так что сверкнули крепкие ровные зубы сквозь бороду с редкими седыми волосками. Но вслух ничего не сказал.

Чэн побежал вперед по тропинке, прямо к железной дороге, шуря и без того узкие глаза и шумно нюхая сырой воздух.

– Ты чего это? – Насторожился Николай.

– Смерть чую. Кровь чую.

Он остановился и указал вперед.

– Там! Смотри!

Николай последовал за ним и, выйдя из леса, сквозь туман увидел очертания одинокого вагона, стоящего на путях. На белой, чуть поржавелой табличке алела надпись «Харбин – Чита».

Оба охотника, как по команде, замолчали и, бесшумно взяв ружья в руки, мягкой поступью пошли к вагону. Чэн заметил раскрытый чемодан, валяющийся у насыпи. Из него, придавленный крышкой, торчал кусок синей косынки, развевающийся на ветру. Николай кивнул и, в свою очередь, ткнул пальцем в смазанный кровавый отпечаток руки на одном из запотевших изнутри окон. Да, Чэн был прав, тут не просто пахло, а смердило смертью.

Китаец, хотя и был не совсем молод, ловко подтянулся, уцепившись за поручень, заскочил в тамбур, перепрыгнул через лужу крови, кивнул товарищу, мол, все тихо. Вслед за ним залез Николай и, с винтовкой наперевес, раскрыл дверь и проскользнул в коридор.

Всюду валялись разбросанные вещи. Кисло-сладко пахло убоиной и кровью. Ветер трепал занавески на окнах.

На пороге первого купе лежал проводник с открытым ртом и перерезанным горлом. Черная кровь запеклась на седых усах, под головой смялась форменная фуражка со сломанным

kozyрьком, правая рука лежала на груди, левая вывернулась вдоль тела. Охотники аккуратно переступили через него, заглянули в купе. Пусто. Только тюки белья, запачканные кровью. Пошли дальше.

Дальше по коридору увидели еще два трупа – молодого и пожилого мужчин, скорченные, искореженные, облепленные коркой запекшейся крови.

– Кто ж их так... – прошептал Чэн.

От шороха занавесок на сквозняке и заунывного завывания ветра мужчинам становилось жутко. Николай сдержанно перекрестился.

Охотники шли дальше, заглядывая в купе. Все было перевернуто вверх дном – выпотрошенные сумки и чемоданы, одежда, белье, остатки еды. Окровавленные трупы женщин и мужчин в пижамах и сорочках говорили о том, что в момент убийства люди спали или готовились ко сну.

И только в последнем по коридору купе был полный порядок. Левая кровать даже не была расправлена. На полу, лицами вверх, лежали трупы молодой китайской пары – мужчины и женщины.

Чэн остановился, вглядываясь в их лица, в глазах мелькнула растерянность и боль.

– Чэн! Пошли. Надо сообщить, куда следует, – одернул товарища Николай и пошел к выходу. Охотнику было явно не по себе – он хмурился и нервно кашлял.

Китаец дернулся и поспешил следом, но снова остановился и бросил еще один короткий взгляд на мертвую пару.

Туман уже начал расходиться. Однако солнце не спешило выходить из-за туч. Судя по всему, погожего дня сегодня ждать не приходилось.

Охотники в гробовом молчании сошли с рельсов и вернулись на знакомую тропу, змеившуюся вдоль густого мрачного бора.

– Давай лесом, так короче, – не оглядываясь, бросил китаец. Ему хотелось поскорее уйти от вагона и жуткой картины, которую они там увидели.

Николай согласно кивнул. Ступив на тропу, внезапно замер и уперся взглядом в стоящий впереди куст.

– Погоди-ка, Чэн. Что это там?

Он ткнул вперед узловатым пальцем и сдернул с плеча ружье. Его напарник сделал то же самое, и, наведя стволы, охотники осторожно пошли вперед.

Они ступали медленно и тихо, не отрывая взглядов от цели. Казалось, лес рядом с ними тоже замер, притаился, как матерый волк перед прыжком.

Под кустом, свернувшись калачиком, лежал маленький китаец. Его одежда насквозь промокла и сморщенной кожей облепила худенькое тело. Дышит он или нет, определить на глаз не получилось, так что Николай опустился на колени и дотронулся до тонкой шеи. Кожа была холодная и мокрая, но охотник ощутил, как под ней еле-еле трепещет пульс.

– Живой..., – радостно констатировал он.

Чэн неподвижно стоял. Ключья тумана прилипали к нему, как саван, и китаец издал мог казаться призраком.

Николай уже собрался уходить и вдруг нащупал за воротником детской рубашки что-то шершавое. Это были звенья цепочки. Несильно потянул и увидел, что на ней болтается небольшой медальон – овальная коробочка, закрытая на простую защелку.

Николай аккуратно поддел замочек ногтем и открыл медальон.

– Чэн, смотри, – позвал он и протянул раскрытую коробочку напарнику.

Китаец сделал несколько беззвучных шагов и присел рядом с другом. Он взял медальон двумя пальцами и долго разглядывал фотографии. С одной на него смотрел улыбающийся узкоглазый мальчишка лет семи – аккуратная копия того, кто лежал под деревом, а на другой были изображены мужчина и женщина. По сходству в лицах можно было понять, что взрос-

лая пара – это родители мальчика. Внизу на каждой фотографии чернилами были аккуратно выведены иероглифы.

– Вэй Ли..., – прочел Чэн, – так его зовут.

Чэн указал на фотографию супругов:

– Вэй Тао и Вэй Джинг.... Это те китайцы, из последнего купе.

– Похоже, мальчонка теперь сирота, – Николай еще раз взглянул на скукожившегося ребенка и сунул товарищу свое ружье. Он быстро расстегнул толстый стеганный ватник, из-под которого тут же пахнуло живым, уютным теплом:

– Иди-ка сюда! – и поднял мальчика. Через секунду из воротника ватника, под самым подбородком Николая, торчала только мокрая макушка.

– Так-то лучше будет.

Бородатый охотник почувствовал, как холод от продрогшего тела Ли пробирается под одежду. Он сильнее прижал мальчонку к себе и зашагал по тропе – нужно было скорее доставить найденыша домой, в деревню.

Чэн кивнул, словно прочитал мысли товарища, еще раз оглянулся на одинокий вагон и пошел вслед за Николаем, закинув второе ружье за спину.

ГЛАВА ПЕРВАЯ

Наутро над просторным ухоженным двором в небольшой деревне Макеевке, который семья Николая Агафонова делила с китайцем Чэном, висела все та же гадкая, не по-июньски холодная морось.

На дворе тянула к небу оглобли пустая телега, темнела сквозь туман конюшня, внутри которой лениво прядали ушами сонные лошади, угрюмо мокли по разные стороны двора две крепкие, срубленные четвериком избы – Агафоновых и Чэна. Только небольшая кузница в самом углу сопротивлялась пропитавшей все вокруг серой слякоти. С самого рассвета из распахнутой двери и маленького оконца валил наружу красный веселый жар, звонко лупили кузнечные молоты, оглашая округу бодрим, жизнеутверждающим звоном: «Тики-бом! Тики-бом! Тики-бом!».

Этот звук пробивался и в избу к Агафоновым, где метался в тяжелом горячечном сне маленький Вэй Ли. Черные, намокшие от пота волосы, липли к подушкам, теплое стеганое одеяло сбилось на сторону. Авдотья, жена Николая, поправила постель и вытерла чистым полотенцем восковой, цвета слоновой кости лоб. Ли слабо застонал.

– Тш-ш-ш-ш... Спи, малыш, спи...

Ли пару раз мотнул головой, но после издал глубокий вдох и задышал ровнее.

Митяй Агафонов, стоявший чуть поодаль восьмилетний сорванец, обутый в отцовские огромные сапоги, в которых болтались, словно спички, тонкие ноги в подштанниках, шмыгнул носом и вопросительно посмотрел на мать. Косматая отцовская шапка висла у него на ушах, едва не закрывая большие голубые глаза. Авдотья ответила ему грустной улыбкой, легонько погладила спящего ребенка по плечу и отошла к печи, проверить травяной, терпко пахнущий отвар. Митяй, с ревнивым интересом принялся рассматривать маленького китайца. Наконец, удовлетворившись осмотром, он снова шмыгнул, вздернул нос, и, подражая матери, неуклюже потрепал больного по плечу:

– Тш-ш-ш-ш... Спи-спи.

Лицо Вэй Ли исказила болезненная гримаса и он снова застонал, в этот раз громче, будто пытаюсь выдавить из себя какое-то слово.

Мальчику снился дурной, болезненный сон, и звон кузнечных молотов, пройдя сквозь жернова кошмара, превратился в нем в стук вагонных колес. Колеса стучали, набирая ход, потому что одинокий вагон все быстрее и быстрее скользил вниз по склону, прямо в холодную

дождливую черноту. Но Ли не смотрел туда, он смотрел в глаза своему отцу. Отец держал его за руки, высунувшись по пояс из освещенного вагонного окна. Ли плакал и сучил ногами в холодной пустоте. Отец тоже плакал. Он кричал, будто издалека, перекрикивая стук колес и ветер.

– Беги, Ли! Беги!

– Папа!

– Беги, спасайся!

Отец разжал руки и Ли, захлебываясь криком, упал в темную бездну.

Все еще продолжая кричать, маленький китаец резко сел на кровати и испуганно огляделся. Рядом с кроватью, стоял и смотрел на Ли в упор кто-то страшный, с косматой головой и колдовскими голубыми глазами.

– Ты чего кричишь? – незнакомец потянулся к нему.

Ли проворно толкнул его двумя руками, и демон, пошатнувшись, упал на пол.

Митяй быстро поднялся, поправил съехавшую шапку и, насупившись, вернулся к кровати, обиженно бормоча:

– Ты чего толкаешься-то? А?

Но маленький китаец с неожиданной силой снова толкнул его в грудь. Митяй, вновь оказавшись на полу, зашипел, потирая ушибленный локоть:

– Ну, я тебя сейчас!

Он вскочил, подпрыгнув, как блоха, и сжал кулаки, намереваясь отвесить обидчику хорошую оплеуху. Но Ли уже стоял на кровати, выставив вперед сжатые в кулаки руки, затравленно озираясь по сторонам. Драки было бы не миновать, не подоспей вовремя Авдотья. Она сдернула с головы сынишки шапку и привычно ухватила его за оттопыренное красное ухо.

– Митяй! Ишь, сорванец, что удумал! Беги-ка, лучше, отца позови!

Мальчик запыхтел, как паровоз, но, не смея послушаться матери, побежал в кузню. Тяжелые сапоги прогрохотали по сеним, хлопнула дверь. Молодая женщина посмотрела сыну вслед и обернулась к найденышу. На ее лице играла материнская улыбка, кроткая и спокойная. Она обняла вздрогнувшего мальчика теплыми мягкими руками, и аккуратно усадила его обратно в подушки, едва слышно приговаривая ласковым голосом:

– Ничего-ничего. Не бойся. На вот, отвару целебного выпей. Вмиг всю лихорадку выгонит.

Ли по-прежнему дрожал, но нежность улыбающейся женщины, знакомые материнские интонации, пусть даже на чужом языке, сделали свое дело – он расслабился, откинулся на подушки и осторожно взял заботливо протянутую кружку с горячим отваром. Мальчик принюхался к душистой горячей жидкости и, шумно хлюпая, отпил немного.

В кузнице, наперекор промозглой сырости, царившей на дворе, стоял крепкий сухой жар. Кроваво-красные угли мерцали, словно сердце горного великана. Эти алые всполохи да сероватый жиденький свет, пробивавшийся через маленькое окошко – вот и все освещение, при котором трудились двое мускулистых мужчин в кожаных фартуках.

Невысокий и поджарый Чэн сжимал клещами пылающую оранжевую заготовку. Николай, мощный, поросший русым волосом на широкой груди и руках, ловко орудовал огромным кузнечным молотом, придавая металлу нужную форму. Время от времени Чэн подносил кусок железа к лицу и придирчиво осматривал, наблюдая, как он постепенно превращается в аккуратную подкову. Наконец, после очередного осмотра, он удовлетворенно покачал головой и сунул подкову в кадушку с холодной водой. Зашипело, кузницу заволокло белым паром.

Чэн присел на лавку у стены, вытирая пот со лба тыльной стороной ладони. Некоторое время он внимательно смотрел на краснеющие угли, а потом задумчиво проговорил:

– Та женщина в поезде. Китайка. Очень на мою Кианг похожа. Если бы она тогда при родах не умерла... – китаец замолчал, громко и тяжело выдохнул.

Николай тихо присел на лавку рядом. Помолчав, он осторожно, ответил:

– Хорошая у тебя была жена, друг, спору нет. Только нельзя долго человеку одному бобылем жить.

Но Чэн безучастно покачал головой и ответил, будто не слыша своего друга:

– Я очень Кианг любил. И до конца дней своих любить ее буду. Мое место здесь, рядом с ее могилой.

Николай хотел было возразить, но тут в кузницу, бухая сапогами, ввалился насупленный Митяй и, шурясь в полутьме, пробурчал:

– Там мать зовет. Этот проснулся.

Мужчины переглянулись и одновременно встали с лавки...

...Ли сидел на кровати среди подушек и с тревогой разглядывал взрослых, которых привел Митяй. Раскрасневшиеся от жара, потные, несмотря на холодный день, в наспех накинутых телогрейках, Николай и Чэн явно пугали его. Авдотья забрала у мальчика чашку с горячим отваром, и тот сразу ухватил ее ладонь обеими ручонками. Чэн улыбнулся и шагнул к постели. Китайчонок недоверчиво смотрел темными, подпухшими от слез глазами.

– Тебя зовут Вэй Ли? Верно?

Вопрос был задан по-китайски. Услышав звуки родной речи, мальчик вытянул шею и оживленно закивал. Чэн обменялся взглядами с Николаем и, сделав дружелюбный жест, продолжил:

– Не бойся, Ли, мы твои друзья. Здесь тебя никто не обидит.

В этот момент в окно избы настойчиво постучали. Ли мгновенно напрягся, как от судороги, и сжал еще сильнее руку Авдотьи. Стук повторился, аж задребезжало оконное стекло. Потом с улицы нетерпеливо спросили:

– Хозяева! Есть кто дома?

Николай открыл окно, осторожно выглянул и тихо чертыхнулся сквозь зубы. На дворе стояла телега. В ней, спинами друг к другу, сидели двое со связанными руками. У того, что лицом к Николаю, была перевязана голова, рана еще кровоточила. Высокий приподнятый воротник плаща наполовину закрывал его опущенное лицо. Он сидел неподвижно, и казалось, что он спит. Второй, что покрупнее, похожий на цыгана, мужчина в кожанке, лет тридцати пяти, наоборот, заметно нервничал. Он хотел было повернуться, но тут же получил по плечу прикладом винтовки.

– Куда-а?! Сиде-еть! – протяжно скомандовал один из красноармейцев.

– Полегче, начальник. Я ж только посмотреть, – тут же отреагировал цыган.

Чуть поодаль сутулились в седлах четыре конных красноармейца, мелькали огоньки укрываемых от дождя папирос. Лошади, понуро опустив головы, тыкались в остатки жухлой дворовой травы. Николай запахнул телогрейку и, вздыхая, вышел на двор. Вскоре из сеней стали долетать приглушенные обрывки разговора. Николай недовольно доказывал кому-то:

– Да пойми ты, слаб он еще, только в себя пришел. Напуган сильно. Может кто еще другой...

Другой голос, спокойный и уверенный, перебивал баском:

– Нет у меня других свидетелей, кроме твоего найденыша.

– Будь по-твоему. Только по одному.

Наконец, дверь отворилась, и в избу, досадливо, зыря исподлобья, вошел Николай. За ним по пятам, гулко топая сапогами по дощатому полу, последовал начальник уголовного розыска Степанов.

За годы гражданской войны милиционеру приходилось видеть всякое, и разнообразного насилия человека над человеком он встречал немало, но увиденное вчера в отцепленном одиночном вагоне, хотелось побыстрее выбросить из памяти. Он задержал взгляд на притихшем Ли, а потом гаркнул в открытое окно:

– Петров! А ну, давай сюда этого цыгана!

Через минуту в сенях послышалась возня и хмурый простуженный красноармеец, подгоняя прикладом, затолкал в избу высокого, длинноволосого арестанта. Тот неловко ввалился внутрь и замер, зыря по сторонам темными внимательными глазами. Держался он, на удивление, безо всякого страха, спокойно, даже слегка вызывающе.

– Вперед! – скомандовал красноармеец.

Цыган прошел мимо печки, лавки, развешанных на веревке еще мокрых вещей Ли. Он посмотрел в сторону открытого окна и поймал на себе взгляд исподлобья своего поделщика.

– Стоять! – снова послышался приказ.

Арестант громко ухмыльнулся и осмотрелся.

На стене, недалеко от открытого окна, висел прищипленный гвоздем листок с детским карандашным рисунком, где родители держат за руки ребенка. Лист был чуть помятым, одна его сторона была неровной и чуточку порванной, в нижнем углу красовался бледно-розовый цветок пиона.

Степанов едва заметно кивнул Чэну, мол, начинай.

– Ли, посмотри на этого человека. Ты знаешь его? – осторожно спросил Чэн.

Цыган, ухмыльнувшись, взглянув на Ли. Лицо мальчика исказилось, он вскочил на кровати, сжав кулаки. На глаза навернулись слезы, секунду он стоял неподвижно, после чего с криком бросился на арестованного. Степанов быстрым движением ловко перехватил его, прижав к себе, но мальчонка не унимался, выкрикивая по-китайски сквозь плачь:

– Это он! Он плохой! Пусти меня! Пус-ти!

Степанов вопросительно взглянул на Чэна, тот вполголоса перевел и начальник угрозыска коротко кивнул в ответ. Красноармеец, переминаясь с ноги на ногу в центре комнаты, нетерпеливо просипел:

– Так чего, второго вести?

– Нет, и так все ясно. Уводи его к черту!

Степанов поморщился – маленькие твердые кулачки Ли больно лупили его в бок.

– Вот дубасит! А ты говорил, слаб еще, – усмехнулся он, глядя на Николая.

Милиционер перехватил покрепче готового вырваться Ли. Мальчик все не успокаивался, пока подошедшая Авдотья не взяла его за руку. От прикосновения теплых женских рук Ли мгновенно замолк, прекратив сопротивляться.

– Пойдем, малыш. Тише.

Авдотья осторожно погладила его по голове и ласково улыбнулась. Ли послушно вцепился в протянутую ладонь и недоверчиво оглядываясь, отошел вслед за женщиной. Степанов проводил их взглядом. Потом сурово глянул на патлатого, которого торопливо выталкивал из избы конвоир.

– Теперь эта сволочь не отвертится! За такое полагается расстрел. А мальчонку, через пару дней, в приют определим.

Начальник угрозыска поправил сбившуюся фуражку, выдохнул и направился к двери.

– Постойте!

Голос Авдотьи, вдруг ставший жестким, мигом заставил Степанова остановиться.

– Как в приют?! Не отдам!

Чэн встал рядом и тихо поддержал:

– Товарищ милиционер, не надо в приют. Ему мать нужна.

Он кивнул на Авдотью и прижавшегося к ее ноге Ли, которые с надеждой глядели на Степанова. Тот прокашлялся, и исподлобья посмотрел на Николая.

– А второго-то потянете? – с сомнением спросил Степанов.

Николай белозубо улыбнулся и подмигнул жене.

– Чего же не потянуть? Еще как потянем! Будет Алешка Агафонов. А, мать?

Авдотья поспешно закивала, утирая слезы краем передника, и прижала китайского мальчика к себе покрепче. Степанов смерил Николая долгим взглядом и, качая головой, вышел прочь. Хлопнула дверь в сенях, мелькнула в окне фуражка с синим околышем, стало слышно, как красноармейцы понукают сонных лошадей.

Чэн радостно подмигнул Ли и вышел следом.

Митяй шумно хлопнув носом, прошаркал к матери. Та взглянула на него заплаканными глазами и обняла.

Чэн застал Степанова уже сидящим верхом.

– Товарищ командир, просьба к тебе есть, – тихо проговорил китаец.

– Что еще?

– Нам бы родителей мальчика похоронить, как положено. Так правильно будет.

Степанов, после короткого раздумья, молча кивнул и дернул за поводья...

ГЛАВА ВТОРАЯ

Как обычно по субботам, много лет подряд над крышей небольшой агафоновской баньки дымилась труба. Так и сегодня, по традиции, мужская половина Агафоновых вместе с Чэном устроили банный день. Ли, румяный и всклокоченный от жара, сидел напротив Митяя и исподлобья наблюдал, как его новый названный брат со знанием дела поддавал в каменку, наполняя парную белыми горячими клубами. Чэн пыхтел и ухал, уперев жилистые руки в коленки.

– Хороша русская баня... Как заново родился!

Николай разогнал широкой ладонью пар и взглянул на разгоряченного Ли:

– Я вот что думаю, Чэн, нельзя, чтобы Лешка корни свои китайские позабыл, язык, культуру... Ты б позанимался с ним, а?

– Мудрый ты человек, Николай – улыбнулся Чэн, – в Китае говорят: «Лучше обучать сына, чем оставить ему короб золота».

– Спасибо, друг, – Николай посмотрел на мальчишек. – Как думаешь, Чэн, подружатся?

И, не дожидаясь ответа, хитро подмигнул Митяю:

– Ну-ка, попарь брата веничком! Пускай к русской бане привыкает!

Младший Агафонов, со знанием дела вытянул из кадки распаренный веник и направился к Ли. Тот, насторожившись, заерзал на лавке. Митяй с умным видом пару раз от души хлестанул брата по голым бокам. Ошарашенный Ли, вытаращив глаза, схватил другой веник и стал хлестать новоиспеченного брата в ответ. Завязалась такая кутерьма, что в бане сразу стало тесно – свистели прутья, босые ноги шлепали по полу. Николай и Чэн залились смехом. Но вдруг мальчишки побросали веники, и между ними завязалась настоящая схватка – в ход пошли кулаки, руки, ноги. Николай с Чэном принялись разнимать мальчишек, но они выскальзывали из рук мужчин и снова набрасывались друг на друга. Остановить их смог только громкий окрик Николая:

– А ну, тихо!!!

Мальчишки, как по команде, вытянулись смирно, сверля друг друга взглядами.

– Я его просто парил, а он! – пытался оправдаться Митяй.

– Митя-яй! Чэн, я говорить буду, а ты переведи Алешке.

Чэн с готовностью кивнул. Николай громко вдохнул и также громко выдохнул.

– Вы – братья. А это значит, что вам нужно уважать и защищать друг друга. Запомните, что бы ни случилось и где бы вы ни были – стойте друг за друга горой! Понятно?

Мальчишки разом кивнули, но смотрели друг на друга по-прежнему насупившись. Чэн покачал головой и обратился к Ли примирительным тоном:

– Не обижайся на Митяя, он это не со зла. Это массаж такой, очень полезный для здоровья. Смотри!

Чэн принялся нахлестывать себя веником, ухая и ахая от удовольствия. Мальчишки хитро переглянулись, охваченные одной и той же озорной мыслью, и, схватив веники, принялись лупить Чэна и Николая. Те сперва захохотали, но, почувствовав неожиданную мощь атаки, скоро были вынуждены прибегнуть к крайнему средству – ледяной воде из ушатов. У ребят перехватило дыхание. Николай и Чэн с хохотом наблюдали, как мальчишки, выпятив ребра на тощих боках, шлепают по дощатому полу.

– Подружились, – весело констатировал Чэн.

... Впервые за несколько дней выдалось солнечное, по-настоящему летнее утро. На бескрайнем синем небе не было ни намека на облачко. Все живое просыпалось от затянувшегося серого дождливого уныния.

Ли медленно вышел из дома, с любопытством изучая все вокруг. К лесу с шумом пронеслась стая птиц. Ли поднял голову, но, тут же, морщась от непривычно яркого солнечного света, опустил глаза. Споткнувшись, он пошел дальше, мимо конюшни и кузницы. В конце двора вдруг он увидел соседа, который то плавно двигался, будто танцевал, то и вовсе замирал.

Каждое утро вот уже много лет Чэн начинал с занятий кунг-фу. Это искусство он когда-то унаследовал от своего отца, а тот – от своего. Его плавные движения и правда были похожи на танец. Чэн замер, пару минут стоял неподвижно. Затем поднял с земли длинную кованую цепь и начал раскручивать ее. Смертоносное оружие гудело в воздухе, словно рой рассерженных пчел. Цепь, атакующая змеей, неожиданно вылетала далеко вперед и через мгновение возвращалась обратно к хозяину, послушно обвиваясь вокруг правого предплечья.

Закончив с цепью, китаец бережно уложил ее на землю и принялся отрабатывать рукопашную технику. Его ноги мягко ступали по влажной земле, повторяя в тысячный раз смены боевых позиций. Неожиданно он почувствовал, что не один: краем глаза подметил, что за ним наблюдают. Китаец внутренне усмехнулся, но не позволил себе отвлечься от тренировки. Ли, наконец, набрался смелости и принялся, словно уменьшенное отражение, копировать движения старшего. Позиция за позицией, он начинал двигаться все уверенней и плавнее, из позиции наездника в позицию натянутого лука, затем меняя позу журавля на позу затаившейся змеи. Когда последний элемент был выполнен, Чэн и мальчик поклонились друг другу в традиционном китайском приветствии.

– У тебя неплохо получается. Ты раньше занимался? – спросил Чэн, сматывая длинную цепь в клубок.

– Да, отец водил меня на занятия, пока мы не уехали... – Ли прищурился и подошел ближе. – А можно мне попробовать с Вашей цепью?

Чэн покачал головой.

– С цепью тебе еще рано. Это опасная штука.

Ли уважительно поклонился, выражая смирение всем своим видом, и попросил еще раз:

– Пожалуйста, учитель.

Чэн поразмыслил пару секунд, но потом решительно вложил тяжелую цепь в протянутую детскую руку и сел поодаль. Ли, стараясь в точности копировать движения взрослого, принялся за упражнение, но цепь, предательски выскользнув из маленьких рук, больно ударила мальчика по спине. Ли, стараясь не показывать боль, немедленно встал в стойку и начал упражнение снова. И вновь получил удар по спине.

– Довольно, Ли. Ведь тебе больно!

Но Ли упорно пытался укротить тяжелую цепь. Китаец удивленно покачал головой: мальчонка в душе был настоящим бойцом. Чэн присел на край поленницы и стал наблюдать за мальчиком с двойным интересом...

ГЛАВА ТРЕТЬЯ

... На дворе стоял июнь 1941 года. Ли ловко крутил железную цепь. Она сверкала в его руках, как стальная молния, и с басовым звуком рвала жаркий густой воздух, сладкий от запаха цветущих трав.

Чэн с гордостью наблюдал за своим учеником. Когда-то беззащитный, опустошенный страшным горем мальчуган, чудом спавшийся от смерти, стал крепким восемнадцатилетним юношей. Он гордился успехами Ли и ловил себя на мысли, что любит этого парня, как собственного сына.

Ли закончил. Опустив руки, он обернулся к учителю, рассчитывая на похвалу. Но, вместо заслуженных добрых слов, Чэн встретил его молниеносным ударом в грудь.

Юноша шлепнулся наземь, в его глазах на долю секунды вспыхнул гнев. Но уже через миг, сумев побороть эмоции, Ли посмотрел на своего чуть поседевшего учителя с почтительным вопросом в глазах. Чэн помог ученику подняться.

– Помни, Ли, как бы велик ты не был, не думай, что достиг всего. Будь внимателен. Совершенствуй свои навыки, тренируй тело и укрепляй дух.

– Я запомню Ваши слова, Учитель, – Ли поклонился в знак благодарности.

– У меня есть кое-что для тебя. Подожди.

Чэн ненадолго исчез в кузнице и, вернувшись, протянул Ли небольшую, но увесистую деревянную коробку.

– Открой!

Ли осторожно открыл коробку и с затаенным восторгом обнаружил внутри длинную кованую цепь, точно такую же, как у учителя Чэна.

– Все эти годы ты честно и упорно постигал искусство кунг-фу. Ты укротил цепь и она покорила тебе. Ты стал мастером. Эту я выковал ее специально для тебя.

Юноша почтительно поклонился.

– Спасибо, Учитель. За Ваши слова доверия.

Чэн улыбнулся и поклонился в ответ.

– Цепь, Ли, теперь часть тебя. Носи ее всегда с собой.

Ли с восторгом вынул из коробки новую именную цепь, разглядел, а затем обхватил ею, как браслетом, свое правое запястье и защелкнул небольшой замочек. После чего, оборот за оборотом, намотал цепь на руку до локтя. Спущенный рукав его рубашки спрятал цепь от посторонних глаз.

Юноша вновь почтительно поклонился.

– Благодарю вас, мастер, за все, чему Вы меня научили. За то, что вдали от родного Китая я чувствую себя его частью.

Со двора, в окно избы Агафоновых, была хорошо видна крепкая спина Митяя. Повзрослевший и возмужавший парень вертелся перед зеркалом, проверяя, хорошо ли сидит новая рубаха на его широких плечах. Недавний пацаненок вышел весь в отца – крепкий, статный, с бесхитростной белозубой улыбкой.

В избе теперь стояли, изголовье к изголовью, две железные кровати. На полу, возле одной из них, лежали стопками книги на русском и китайском языках. Полка возле кровати Ли тоже ломилась от книг. Там же лежали тетрадки, перья и кисти для занятий каллиграфией. Около другой кровати валялась части разобранной коробки передач от трактора СХТЗ 15/30 Харьковского тракторного завода – предмет Митяевского увлечения последних недель.

На стене, над кроватью Ли, в самодельной деревянной рамке висел все тот же карандашный детский рисунок, изображающий счастливую семью, где он, маленький, держит за руки своих китайских родителей. Этот дорогой сердцу Ли рисунок, немного пожелтевший от времени, был центром его вселенной, вокруг которого юноша развесил листы с умными высказывания известных людей. Эти надписи на китайском и русском языках были сделаны юношей собственноручно.

Митяй обернулся еще раз и заметил наблюдавшего за ним отца. Николай, усмехнулся, и махнул рукой – мол, продолжай, продолжай, но чуть после спросил:

– А Лешка-то где?

– Известно где, у Чэна. Где еще ему быть, – не отводя глаз от зеркала, ответил сын.

Митяй все не мог оторваться от собственного отражения – рассматривал некстати появившийся на щеке прыщ. Николай подошел поближе и встал у сына за спиной.

– Ну? И куда это ты так вырядился?

– Так вечером же танцы, бать.

Митяй, через зеркало, укоризненно глянул на отца. Тот сложил руки на груди и усмехнулся.

– Ах, та-анцы, – протянул Николай, – ты бы книг каких почитал, как брат твой. А то только и знаешь, как по танцам ходить, да в железях капаться!

Митяй похлопал себя по бокам и, оставшись доволен, тем как сидит обновка, с вызовом ответил Николаю:

– Мне много книг не надо. Я, как Лешка, в милицию не собираюсь. Я в трактористы пойду. Потом выучусь на механика или инженера. Не бойсь, бать, прорвемся, будет из меня толк!

Тут ответить было нечего, Митяева душа уже давно лежала к технике, и все механизмы отвечали ему взаимностью, послушно подчиняясь, стоило ему откинуть капот машины или трактора. Николай, широко улыбаясь, потрепал сына по вихрастому затылку:

– Вот что, тракторист, там лошадей привели, к утру подковать нужно. Мы с матерью в город, сегодня не ждите.

Он хмыкнул и вышел из избы. За окном послышался скрип телеги, веселое цоканье копыт. Митяй задумчиво посмотрел вслед отцу и, почесывая голову, подошел к полке с книгами. Долго выбирал, хмуря брови, водя пальцем по корешкам и беззвучно шепча губами. Наконец выудил самую толстую книгу и под скрип пружин сел с нею на кровать, тоскливо вздохнул и, раскрыв первую страницу, приготовился читать...

... Когда Митяй проснулся, был уже почти вечер. Он вскочил с кровати, позабыв о толстенной книге, лежащей на его животе, и та шумно упала на пол.

В открытое окно были слышны звуки гармоники и развеселый девичий смех. Ли сидел за столом при свете настольной лампы и аккуратно выводил на белоснежном листе иероглифы.

– Ё-мое! Леха! Танцы! Бежим! – Митяй спешно заправлял в брюки помявшуюся рубаху.

– Не пойду я, Митяй. Не люблю, ты же знаешь.

– Ты обещал, брат, – Митяй поднял с пола книгу и положил на стол обложкой вниз, – Вот! – Митяй демонстративно похлопал рукой по книге, – Я свое обещание уже начал выполнять. Книгу про мир читаю, автор Толстой!

Митяя переполняла гордость за самого себя.

Ли аккуратно отложил в сторону перо и рассмеялся.

– Эх ты, грамотей. Это Толстой, «Война и мир».

Митяй лишь почесал затылок.

– Ладно, пошли, раз обещал, – согласился Ли.

Танцы прошли для братьев Агафоновых по-разному. Для Ли, который скромно сидел в сторонке, наблюдая за братом, время тянулось. Митяй же, наоборот, едва успел перетанцевать со всеми девушками подряд, стараясь ни одну из них не оставить без своего внимания. Он пользовался огромной популярностью у местных девушек, за что деревенские парни не очень его жаловали. Нередко Митяю приходилось пускать в ход свои от природы крепкие кулаки, общаясь с конкурентами.

Если бы не начинающаяся гроза, бродившая по окраине неба, Ли еще долго бы ждал брата. Но гром бормотал все сердитей и громче, и вскоре первые вспышки молнии осветили потемневшее небо. Люди начали разбегаться по домам.

Митяй задорно пихнул брата локтем.

– Видел, Леха, все девчонки мои! Все-таки Митяй Агафонов – первый парень на деревне! Ли спокойно улыбнулся.

– Может, тебе стоит выбрать одну из всех? Это неправильно – сегодня с одной, завтра с другой.

– Да как же выбрать, Леха, – одна краше другой! Да и скучно с одной-то все время! Нет, это не для меня.

– А я вот думаю, что если уж полюбить, то одну и на всю жизнь. Как отец, как Чэн.

Братья подошли к дому. Гроза совсем разошлась, первые тяжелые капли уже падали на пыльную дорогу. Лошади, напуганные громом, бились и храпели за темной стеной конюшни. Тоскливо хлопала позабытая оконная ставня. Митяй застыл на входе. Дверь в избу была открыта. Он обменялся взглядом с Ли и, сам себе не веря, сказал:

– Может родители уже вернулись? Схожу гляну.

Митяй в потемках загрохотал ведром где-то в сенях, зашел в избу.

– Батя! Мама!

В избе зажегся свет.

Ли, предчувствуя неладное, подошел к конюшне, откуда испуганно всхрапывали лошади.

– Леха! Леха! Там Чэна убили! – Митяй, спотыкаясь, выбежал из избы.

Ли резко остановился, словно его ударила одна из молний, полыхавших на небе, мысли роем пронеслись в голове – учителя... убили...?!

В этот момент ворота конюшни неожиданно распахнулись и наружу метнулся рослый вороной конь, которого отец наказал подковать к утру. На коне сидел всадник в плащ-палатке с низко надвинутым капюшоном. Ли едва успел увернуться от тяжелых копыт, как всадник рванул со двора и скрылся за поворотом. Вот же он – убийца! Ярость горячей волной прилила к голове. Нельзя дать ему уйти! Ли кинулся в конюшню, где стояла вторая лошадь – молодая гнедая кобыла. Не раздумывая не секунды, он запрыгнул гнедой на спину и без седла, вцепившись в лошадиную гриву и крепко сжав ее бока ногами, бросился в погоню.

Сзади что-то кричал Митяй, но все потонуло в раскатах грома. Лошади неслись по проселочной дороге, поднимая грязь из-под копыт. Ли пару раз крепко поддал лошади пятками и теперь стремительно сокращал разрыв. Вот уже стал ясно виден силуэт в плащ-палатке, сторбившийся в седле.

Неожиданно всадник круто повернул коня к реке, Ли повторил его маневр, выворачивая на тропу, ведущую вниз, к воде. Там человек в плаще вдруг замедлил бешеный темп и, резко обернувшись, несколько раз выстрелил в преследователя из пистолета.

Ли припал к лошадиной шее, и пули чудом просвистели чуть выше головы. Лошадь, испуганная выстрелами, встала на дыбы, сбросив седока в грязь, и поскакала к дому. Парень быстро вскочил и бросился к реке, прямо через кусты.

Всадник, добравшись до воды, бросил коня, и уже спешил к ожидавшему его в лодке напарнику, оскальзываясь на глинистом берегу.

Ли бежал, спотыкаясь и путаясь в кустарнике. Мокрые ветки хлестали его по лицу, подло хватали за ноги, но он, стиснув зубы, ломился вперед. Наконец впереди мелькнула вода. Там, сквозь дождь, виднелась отчаливающая лодка, а в ней две темные фигуры в капюшонах. Ли сделал последний рывок и подбежал к самому берегу. На секунду яркая вспышка молнии осветила все кругом, и он смог отчетливо разглядеть под капюшоном того, кто стоял в лодке лицом к берегу. Парень словно окаменел от увиденного: сомнений быть не могло – это был тот самый человек, цыган, десять лет назад убивший в поезде его родителей.

– Не может быть, – прошептал Ли одними губами и, очнувшись, начал сбрасывать обувь. Из лодки прогремело несколько выстрелов, но подоспевший Митяй успел сбить брата с ног и зажать железной хваткой. Склон, где только что стоял парень, взорвался фонтанчиками грязи. Ли извивался ужом, пытаясь вырваться.

– Пусти, Митяй! Пус-ти-и!

– Дурак! Убьют!

Митяй крепко прижимал брата к земле, и тому оставалось только беспомощно смотреть, как лодка скрывается за излучиной. Раздался раскат грома.

ГЛАВА ЧЕТВЕРТАЯ

Наутро в избе Агафоновых царила нехорошая тишина. Следовательно, зевая, без особого интереса осматривал дом. Можно было сказать, что в доме был порядок. Если бы не несколько осколков стекла, поломанная деревянная рамка, да раздавленная свечка, валяющиеся на полу. Николай с Авдотьей еще не вернулись. Мрачный Митяй молча стоял посередине комнаты и смотрел в окно пустым взглядом. Понятые с любопытством зыркали по сторонам. Ли сидел на кровати, обхватив голову руками.

– Значит, говоришь, не пропало ничего? – безразлично спросил следователь, разглядывая странные листы с иероглифами на стене.

– А? Вроде все на месте. Да у нас и брать-то особо..., – очнулся Митяй, – Только вот рисунок Лешкин детский куда-то подевался.

– Ты еще скажи, что они за рисунком каким-то приходили! – внезапно разозлился следователь и недовольно посмотрел на Митяя. Не хватало еще из-за мальчишеских бредней усложнять расследование. – Конокрады это были, ясное дело! Нажиться хотели. А китаец ваш их спугнул, вот они его и того...

Ли неожиданно вскочил и, закусив губу, опрометью выбежал из избы.

Через несколько дней он сидел на окраине деревенского кладбища, держа в руках открытым свой медальон. На трех необычных надгробиях перед ним не было православных крестов, только простые белые камни, иссеченные иероглифами. На одном из камней было написано: «Вэй Тао и Вэй Джинг» на другом «Чэн Кианг», а на третьем, совсем свежем, «Чэн Ян».

Одними губами он прошептал:

– Учитель, теперь вы рядом со своей Кианг.

Ветер тормозил верхушки деревьев, бабочки мельтешили над цветами, стая птиц сорвалась в небо с ветвей. Казалось, что листва протяжно шепчет «Ли-и-и...». Ли закрыл глаза и поднял лицо к небу. Он глубоко вздохнул, на мгновение задержал дыхание.

Сзади тихо подошел Митяй и присел рядом с братом.

– Я знал, что ты здесь.

Ли открыл глаза и обернулся. Митяй выдержал долгую паузу, не зная с чего начать, но, наконец, собрался с мыслями и заговорил, осторожно подбирая слова.

– Я так, Леха, думаю. На реке ты, скорее всего, обознался. Темно там было, да и дождь еще. Убийцу твоих родителей еще в тридцатом году расстреляли. Может, прав был следователь, Чэна и вправду конокрады убили.

– Неужели ты думаешь, что учитель не смог бы защитить себя от каких-то там конокрадов? Он был мастером кунг-фу! – резко оборвал его Ли, но, тут же, успокоился. – Нет, Митяй, здесь что-то не то...

– Я все думаю, куда же мог подеваться твой рисунок. Почему больше ничего не пропало?

– Не знаю Митяй, не знаю, – Ли обхватил голову руками, – Только я чувствую, что убийство родителей и Чэна как-то связаны между собой.

ГЛАВА ПЯТАЯ

За тяжелыми деревянными дверьми одного из кабинетов Министерства обороны Японии проводилось специальное закрытое совещание. Кабинет был обставлен скромно, но со вкусом. У одной из стен стоял на подставке самурайский меч-катана великолепной работы, у другой стены красно-белым полотнищем повис на древке японский флаг. Над креслом висел портрет императора Хирохито в парадном облачении.

Во главе длинного массивного деревянного стола, откинувшись на спинку кресла, расположился куратор специальных программ Министерства обороны Японии генерал-полковник Асакава. По бокам от него сидели два японских офицера больших чинов – генерал-майор Исида, человек в возрасте с потухшими глазами, и полковник Накаяма, высокий крепкий мужчина пятидесяти лет с пронзительным взглядом. Рядом скромно сидел пожилой японец в штатском. На стульях у стены расположились еще несколько японских офицеров, среди которых был высокий майор совсем не азиатской внешности, он больше походил на цыгана. В руках майор держал папку. Все присутствующие сидели неподвижно, в напряжении ожидая слов Асакавы. И только пожилой японец нервно тербил страницы лежащего перед ним большого толстого блокнота в кожаной обложке.

Наконец, Асакава, облокотившись на край стола, низким суровым голосом обратился к одному из японских офицеров:

– Генерал-майор Исида! Всем нам известно, что исследования продолжаются уже десять лет. Как руководитель лаборатории, потрудитесь объяснить, когда же будет обещанный результат?!

Исида, вытянувшийся так, будто ему дали хлыста, ответил почтительным тоном:

– Господин генерал, в наших исследованиях намечается коренной перелом. Я думаю, что наши специалисты добьются положительного результата уже в ближайшее время...

– В ближайшее время?! – Гаркнул генерал так резко, что у Исиды невольно дернулся глаз. – Каждый раз вы говорите одно и то же! У меня больше нет оснований вам доверять!

Исида вжал голову в плечи.

– Полковник Накаяма, вам удалось достать то, что вы обещали?

– Да, господин генерал-полковник. Вы позволите?

И после одобрительного кивка Асакавы позвал к себе майора:

– Ману!

Майор подошел к полковнику Накаяме, почтительно поклонился и передал ему папку. Полковник аккуратно вынул из папки пожелтевший лист и передал пожилому японцу в штатском.

– Вот, взгляните на это, Профессор.

– Что это? Детский рисунок?

Профессор был в недоумении.

– Переверните, – сдержанно улыбнулся Накаяма.

Профессор несколько секунд жадно вглядывался в записи на обратной стороне рисунка. После чего стал быстро пролистывать лежащий перед ним блокнот, захватывая по несколько страниц, пока не дошел до нужной.

В кабинете воцарилась почти мертвецкая тишина. Пожилой японец вложил листок в блокнот. На его лице появилась восторженная улыбка, он закрыл блокнот и с волнением в голосе обратился к генералу:

– Господин генерал-полковник, определенно, это то, чего нам не хватало. Теперь мы можем считать, что вакцина у нас в руках.

Асакава, выдержав небольшую паузу, встал и прошелся по кабинету.

– Что же, генерал-майор Накаяма, я ценю людей слова.

Накаяма, будто не ждавший похвалы, изобразил недоумение.

– Простите, ваше превосходительство, но я полковник.

Генерал повернулся к Накаяме и неожиданно улыбнулся.

– С этого момента генерал-майор Накаяма. Кроме того, отныне именно вы возглавите Центральную Лабораторию. Завтра же утром вылетайте в Китай!

С тех пор, как не стало Чэна, прошел почти месяц. Николай винил себя за то, что не был рядом в тот вечер с другом. Чтобы поддержать отца, братья Агафоновы все чаще помогали ему в кузнице. Вот и сейчас над деревенской округой раздавалось радостное ««Тики-бом! Тики-бом! Тики-бом!»».

За работой Ли вспоминал, как зимой, будучи еще детьми, они с Митяем часто забегали с мороза в кузницу, где можно было отогреться и понаблюдать, как двое крепких мужчин – отец и Чэн орудовали тяжелыми кузнецкими молотами. Как мать гнала их с кузницы домой поесть, а они с Митяем сопротивлялись этому. Тогда Авдотья приносила им еду прямо сюда. Он вспомнил, как Чэн подарил ему цепь, выкованную собственноручно тем самым молотом, который сейчас был в руках Ли. Он, наверное, еще многое мог вспомнить, если бы в кузницу не вбежала запыхавшаяся и взволнованная Авдотья.

Женщина присела на скамью, с трудом переводя дыхание.

– Что случилось, мама? – Ли сел перед матерью на колени, взяв ее за руку.

Николай и Митяй, заметив Авдотью, прекратили работать. По ее виду было понятно, что случилось что-то страшное.

– Мама, да что с тобой? Вот, выпей, – Митя подал матери стакан воды и сел рядом.

Женщина крепко прижала к себе двух своих сыновей, как в их детстве.

– Беда, мальчики. Война началась...

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

ГЛАВА ШЕСТАЯ

Жаркий июльский день сорок первого года новобранцы проводили в окопах на берегу реки Стряны, под практически не смолкавший грохот артиллерийского обстрела.

Немецкая оборона, надежно укрытая за противоположным берегом реки, почти круглые сутки утюжила позиции советских войск из гаубиц и минометов. Все это время красноармейцы безуспешно пытались форсировать Стряну. Рота за ротой спускала на воду плоты и лодки, но через несколько минут они в виде щепок и обломков, вместе с мертвыми телами бойцов, уносились набравшейся крови рекой. Те немногие, кому удавалось достигнуть противоположного берега, немедленно уничтожались пулеметчиками с укрепленной позиции немцев.

Это был самый первый бой братьев Агафоновых. И взвод, в котором оказались Ли и Митяй, занимал окоп тоже на самой первой линии, куда доставали немецкие пулеметы. Вместе с братьями, прижавшись к земляному отвалу, сидело еще несколько новобранцев, среди которых был огромный, плечистый богатырь Иван Соколов. И хотя он был постарше остальных, все его ласково называли Соколиком. Простучала пулеметная очередь, присыпав красноармейцев землей. Соколик стряхнул комья земли с каски и постарался втиснуть свое огромное тело поглубже в окоп. Было страшно.

– Крепко фриц сидит, головы не дает поднять, сволочь!

И подумав, добавил крепкое затыжное ругательство.

Один из новобранцев, маленький веснушчатый паренек, не выдержав мучительного ожидания, в панике вскочил и закричал срывающимся голосом:

– Не переплыть нам реку, братцы! Впустую погибнем здесь!

– Ложись! Не дури! – зашикали со всех сторон, но было поздно.

Пулеметчик на другой стороне мигом приметил мелькнувшую голову и прошил земляной отвал длинной очередью. Паренек еще пару секунд стоял, по-рыбьему хватая ртом воздух, вдруг стал мягким и повалился сверху на Митяя. Тот, не поняв сначала, что произошло, попытался помочь ему встать, но голова паренька безжизненно откинулась назад. В горле булькала разорванная дыра, пузырилась тихими толчками алая кровь.

Митяй в шоке разжал руки, и тело упало, глядя в вечность застывшим взглядом. Бойцы несколько секунд смотрели на тело, у которого, медленно замирая, дергалась нога. Соколик, несколько раз глубоко вздохнул, размашисто перекрестился и, опустившись на колени, закрыл мертвецу глаза.

– Как же так, – шептал Митяй, не отрывая глаз от паренька, – Как же так...

Ли быстро огляделся и одним рывком выпрыгнул из окопа. Среди бойцов пробежал удивленный ропот. Тем временем Ли по-пластунски быстро, как ящерица, пополз вглубь позиций. Немецкий пулеметчик немедленно принялся поливать окопы свинцом, заставляя всех еще больше вжаться в землю. Митяй закричал вслед брату:

– Леха! Стой!

И, похолодев от ужаса, рванулся было за ним, но могучая лапа Соколика, схватив за плечо, утащила его обратно в окоп. Богатырь придавил Митяя к земляной стенке и пробурчал:

– Куда лезешь?

– Отпусти меня, Соколик! Там брат мой!

Митяй, крепкий и плечистый, попробовал вырваться, напрягаясь изо всех сил, но куда там!

– Тебе тоже жить надоело? Понаберут молодых-горячих! Сиди! – но все же, на миг, выглянув за насыпь, Соколик с удивлением заметил, что Ли уже благополучно дополз до штабного окопа, и прыгнул вниз.

Командир полка, в котором служили Агафоновы, недовольно нахмурившись, разглядывал в бинокль немецкие позиции. Дела шли из рук вон плохо. Полковая артиллерия намертво увязла в болотах на подходе к реке, а без ее поддержки каждая попытка форсировать реку стоила целой роты погибших бойцов. Командир тяжело вздохнул и, сняв фуражку, протер платком бритую наголо голову. За плечом у комполка стоял военный комиссар и, стараясь перекричать взрывы, настойчиво убеждал:

– Товарищ командир, придется отступить! Если мы этого не сделаем, то через сутки немцы обойдут нас с запада!

Командир полка убрал бинокль от лица и раздраженно посмотрел на комиссара.

– Ты понимаешь, что тогда мы упремся в Москву и нас всех нужно будет расстрелять к чертовой матери! Пусть лучше меня миной разорвет, чем поставят к стенке как предателя Родины!

Из прохода в окоп, пригнувшись, вбежал Ли и, заметив офицеров, замер, отдал честь.

– Товарищ командир, разрешите обратиться!

– Ты кто еще? – бросил на Ли короткий взгляд командир. Ничего, кроме плохих новостей, он сейчас не ждал.

– Третья рота, рядовой Агафонов!

– Ну, обращайся.

– Товарищ командир, я знаю, как высоту взять. Надо дожидаться ночи – и потом...

Полковник выпучил глаза и побагровел от гнева.

– Отставить! Рядовой Агафонов, немедленно вернуться в расположение роты! Знает он!

Ли ни единым жестом не выдал вскипевшего в нем гнева, только глубокие карие глаза потемнели еще больше. Он быстро кивнул и выбежал из окопа. Командир полка проводил его глазами и возмущенно обратился к военному:

– Один день на войне, а уже учить меня собрался, как воевать!

– Товарищ полковник, может, стоило выслушать парня, – попытался возразить комиссар, но полковник, раздраженно оборвал его:

– Да брось ты, военком, ерундой заниматься!

И, дав понять, что на этом разговор закончен, принялся снова рассматривать вражеские укрепления в бинокль.

ГЛАВА СЕДЬМАЯ

Когда над рекой опустилась ночь, обстрел немного стих, но течение еще долго продолжало нести редкие обломки лодок и плотов. Затишье не принесло облегчения советской стороне, все напряженно ожидали рассвета, вместе с которым должен был последовать новый артиллерийский удар. Тревожно перекликались часовые. Около трех часов комиссара разбудил взволнованный дежурный. Комиссар, чертыхаясь, подошел к насыпи и приложил к красным от недосыпа глазам бинокль. Дежурный, попутно, торопливо рассказывал:

– Самовольно покинули расположение роты, трое, вон там – большое бревно плывет к немецкому берегу.

Комиссар пригляделся. За бревном, скрываясь, плыли три, по пояс голых, бойца. К бревну была приколочена доска, на которой лежало три больших камня и столько же стеблей камыша. С немецкой стороны композиция выглядела просто как один из множества обломков, дрейфующий по течению. Лицо комиссара искажилось, словно при зубной боли.

– Агафо-о-нов. Самодеятель, твою мать!

– Может, командиру полка доложить? – осторожно спросил дежурный.

– Да тихо ты! Доложить...

Комиссар увлеченно следил за передвижениями бревна.

Уже почти подплыв к вражескому берегу, Ли, Митяй и Соколик зажали губами длинные стебли камыша, и, для тяжести взяв в руки булыжники, исчезли под водой. Бревно поплыло дальше, попадая время от времени в лучи немецких прожекторов. Реку осветила красным сигнальная ракета, но над водой теперь видны были только три тонких камышовых стебелька, движущихся к берегу. Когда до суши оставалось несколько метров, на поверхности вновь показалась голова Ли и сразу же скрылась.

Под водой Соколик уперся в дно ногами и, сцепив свои огромные руки замком, как из катапульты, вытолкнул Ли из воды. Фигура в одних подштанниках с цепью в руке сделала сальто над берегом и исчезла в воронке от снаряда. Немецкий часовой высунул голову из окопа и пристально поглядел на воду, но, не заметив ничего подозрительного, исчез. Комиссар нахмурился и навел резкость бинокля.

– Это еще что за цирк!

Ли тем временем выбрался из воронки и стремительно прополз в тыл немцев к пулеметному гнезду. Один из фашистов заметил голого, измазанного грязью бойца и хотел было поднять тревогу, но Ли молниеносно выбросил вперед правую руку и его железная цепь обвилась вокруг горла противника. Боец дернул цепь назад, и немец со сломанной шеей мешком повалился на землю.

Другой немец, проснувшись, вскочил со дна окопа, но Ли, гибкий и стремительный, как лиса, уже был за его спиной. Он накинул цепь часовому на шею и быстро придушил его. К этому времени на немецком берегу уже были и Митяй с Соколиком, тоже, как Ли, в одних подштанниках и вымазанные грязью.

Ли развернул пулемет в противоположную сторону, пока Митяй и Соколик торопливо доставали ручные гранаты из стоящего в окопе ящика. Через несколько секунд на немецких позициях загремели взрывы. Сонные немцы лезли из окопов и землянок и немедленно попадали под огонь пулемета. В грохоте и неразберихе никто не понимал, что происходит. Немцы, думая, что они окружены, беспорядочно метались среди вспышек, слышались панические крики.

– Русские! Русские в тылу!

Когда гранаты закончились, Митяй и Соколик стали снимать с мертвых фашистов автоматы и присоединились к Ли, длинными очередями срезая солдат, оказавшихся поблизости. Митяй одобрительно взглянул на брата, который деловито строчил из пулемета, выдерживая отдачу, худым, но удивительно твердым плечом, и белозубо улыбнулся. Именно Митяю удалось подбить Соколика на эту самоубийственную выходку, и теперь, когда все удалось, он радовался, что не напрасно так доверял брату.

– Э-эх, не бойсь, братки, прорвемся!!! – с еще большим азартом строчил Митяй по немцам.

На противоположном берегу комиссар передал бинокль дежурному и осмотрел батальон, поднятый по тревоге. Бойцы в полной готовности удивленно всматривались в зарево и слушали звуки боя – казалось, что немецкие позиции атаковали крупные силы русских. Комиссар достал из кобуры пистолет и встал в окопе в полный рост.

– Добрались-таки, черти. Вперед! За родину! За Сталина!

Берега Стряны огласились могучим «Ур-р-ра-а-а!»». Красноармейцы ринулись вниз по склону, спуская на воду плоты и лодки. Первые ряды, бегло стреляя из винтовок, уже высаживались на противоположный берег.

Утром, после героического штурма фашистских позиций на западном берегу Стряны, бойцов третьей роты Соколика и братьев Агафоновых вызвали в штаб полка. Герои минувшей ночи стояли по стойке смирно посреди деревянной избы, а перед ними нервно расхаживал туда-сюда, протирая шею платком, командир полка. Он остановился, заглянул каждому в глаза и спросил солдат сдавленным от гнева голосом:

– Вы что о себе возомнили? Я вас спрашиваю!?

Все молчали, уставившись в бревенчатую стену. Митяй, набравшись смелости, обиженно ответил:

– Товарищ полковник, ну высоту же мы взяли!

Лицо командира перекосило от ярости.

– Взяти!? Вы нарушили прямой приказ старшего по званию! Самовольно бросили свою позицию! Да я вас под трибунал!

Он поднес кулак к Митяевскому носу и выпучил глаза. В этот момент дверь избы, в которой теперь располагался штаб, без стука открылась и внутрь вошел генерал Соболев из командования армии в сопровождении крепко сбитого сурового майора лет сорока пяти. Теперь по стойке смирно встали все, включая командира полка.

– Ну-ну, не горячись, полковник, – примирительно сказал генерал, жестом приказывая встать вольно. – Дай мне с бойцами поговорить.

Генерал, не спеша, строго оглядел каждого солдата.

– Ну, признавайтесь. Чья была идея?

Командир полка подошел к генералу и кивнул на Ли:

– Рядового Агафонова, товарищ генерал. Он и этих спровоцировал.

Соболев подошел к солдату и, глядя прямо в глаза, сурово проговорил:

– За то, что ослушались приказа командира, похвалить вас не могу. А что спасли сотни жизней советских солдат, спасибо вам, ребята!

Братья и Соколик заулыбались и грянули хором:

– Служу трудовому народу!

Генерал довольно кивнул и обратился к командиру полка:

– Полковник, рядового Агафонова я у тебя забираю. Таким смышленным самое место в разведке. Майор Максумов, принимай пополнение!

Майор, не меняясь в лице, проговорил суровым голосом с едва заметным восточным акцентом.

– Слушаюсь, товарищ генерал!

Соболев развернулся и собрался уходить, но Ли остановил его:

– Товарищ генерал, разрешите обратиться!

Тот удивленно обернулся, подняв седую бровь.

– Разрешаю.

– Я без них не пойду! – кивнул Ли на своих товарищей.

Генерал подошел поближе и серьезно посмотрел на Ли.

– Прямо так и не пойдешь?

Тот спокойно выдержал взгляд и твердо ответил:

– Так точно! Не пойду!

В избе повисла пауза, которую нарушил суровый голос Максумова.

Он подошел к генералу и, сверля взглядом Ли, констатировал:

– Товарищ генерал, этот точно не пойдет.

Несколько секунд генерал и Максумов не отрывали глаз от Ли, пока Митяй не отвлек их внимание на себя. Он молодцевато отдал честь и громко выкрикнул:

– Разрешите обратиться!

– Давай. Тебя как звать?

– Я – Митяй, виноват, рядовой Дмитрий Агафонов – в технике разбираюсь! – затараторил Митяй. – Удостоверение шофера имею! Грамотами отмечен! А Соколик, виноват, рядовой Иван Соколов, в руках подкову гнет! Медведю хребет ломает! Да вы посмотрите, какие у него ручки!

Генерал сжал губы, стараясь не засмеяться, перевел взгляд на Максумова, но тот, прищурившись, глядел также сурово, только теперь на Митяя. Генерал улыбнулся одними глазами.

ГЛАВА ВОСЬМАЯ

Через несколько дней братья Агафоновы и Соколик вместе с другими бойцами, отобранными из разных воинских частей для службы в разведке, оказались в вагоне поезда, который мчал их куда-то в центральную Россию. Там, среди бескрайних зеленых лесов, была спрятана святая святых советской военной разведки – специальный секретный тренировочный лагерь по подготовке разведчиков-диверсантов.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.